

MINI.CITID

ПЕТЛЯ ВРЕМЕНИ

Елена БРУСИЛОВСКАЯ, лауреат премии Союза журналистов Казахстана

У физиков, изучающих проблему многомерности пространства, есть такое понятие – «петля времени». Этот феномен интересует и философов. Впрочем, оставим ученым разбираться в тонкостях пространственно-временного континуума, скажу лишь, что «петля времени» возникает, когда какие-либо события, отодвинутые во времени, неожиданно сближаются, повторяясь на новом витке исторического развития. В качестве примера сторонники этой теории, как правило, приводят «зеркальные» убийства двух американских президентов – Авраама Линкольна и Джона Фицджеральда Кеннеди, находя в них более десятка точек соприкосновения.

Народный писатель Казахстана, лауреат Президентской премии мира и духовного согласия Дмитрий Снегин называл подобные исторические совпадения «странными сближениями». Судя по всему, он много размышлял по этому поводу, не случайно одна из его последних исповедальных книг так называется «Странные сближения, или Вокруг Михайловского».

В ней Дмитрий Снегин пишет о странностях нашей жизни, когда, на первый взгляд, случайно происходят какие-то встречи или события. Но, как потом оказывается, это вовсе не случайность, а скорее предопределенность. Говорят же – «судьбой предначертано». «Всегда ли странны подобного рода сближения (сопоставления... сличения)?» – задается вопросом Дмитрий Федорович. – Впрочем, я суеверен, и непредсказуемая, но целенаправленная энергия вселенского Хаоса влияет на меня, как возмущение магнитных бурь».

Для него таким «странным сближением» было первое, еще мальчишеское, соприкосновение с гениальной поэзией Пушкина в далеком провинциальном Верном. Позже, в годы войны, «петля времени» вернула его к любимому Поэту. И, кто знает, может совсем не случайно, что именно Дмитрию Снегину было предначертано судьбой освободить от фашистов пушкинское родовое гнездо – село Михайловское?

Видимо, эта «энергия вселенского Хаоса» время от времени вмешивается в нашу жизнь, сталкивая прошлое и настоящее, тем самым заставляя задуматься о происходящем.

БЛАГОСЛОВЕНИЕ ОТ КУТУЗОВА

С таким «странным сближением» довелось встретиться и алматинцу, ветерану Великой Отечественной войны, гвардии полковнику, кавалеру пяти воинских орденов и 35 медалей, члену Ассамблеи народа Казахстана, кавалеру ордена «Достык» второй степени Леониду Гиршу. В одном из интервью он рассказал мне такую историю.

«Весной 45-го года мы вышли на границу с Германией. Есть там такой небольшой городок Бунцлау. Помню, разведчики мне докладывают: товарищ командир, видим памятник Кутузову. Мы были поражены – на немецкой земле памятник русскому полководцу! Представляете?

Идет жестокая война с фашизмом, города лежат в руинах, рвутся снаряды, и вдруг на вражеской территории – необыкновенно красивый, ухоженный (!) памятник Михаилу Кутузову. Какое-то время мы стояли в оцепенении, потом командир произнес речь о силе русского оружия. В честь нашего великого соотечественника мы дали залп из автоматов ППШ и пошли дальше – на Берлин».

Еще одна «петля времени»? Как известно, во время Отечественной войны 1812 года русская армия под руководством Кутузова, разгромив войска Наполеона на своей территории, преследовала его до Парижа. В 1813 году на границе Польши и Германии Кутузов простудился и заболел, у него началось воспаление легких. Умирал он в Бунцлау, где находилась штаб-квартира русских войск. И по одной из легенд, якобы Кутузов завещал похоронить свое сердце в Бунцлау, а тело отправить в Петербург.

Как свидетельствуют последние исторические данные, на самом деле сердце этого великого полководца было заспиртовано в серебряном сосуде и вместе с забальзамированным телом отправлено в Россию. Похоронен Кутузов в Петербурге в Казанском соборе. А в Бунцлау были захоронены лишь внутренние органы, вынутые при бальзамировании. Да и вряд ли российский полководец, вся жизнь которого была отдана служению Отечеству, завещал похоронить его сердце на чужбине. Согласитесь, что в этом нет логики.

Тем не менее Леонида Гирша поразил сам факт того, что армия Кутузова стояла в Германии в апреле 1813 года, а через 132 года, в апреле 1945-м, сюда вновь пришли русские солдаты!

«Тогда я, совсем молоденький лейтенант, подумал: боже мой, какая связь времен! Почти через полтора века встретились солдаты двух

Великих Отечественных войн! Мы шли на Берлин по следам нашей прославленной русской армии! Вы не представляете, какое чувство патриотизма нами тогда овладело! Я до сих пор не могу успокоиться, когда вспоминаю об этом».

УРОКИ ИСТОРИИ

Вообще, если проводить параллели между двумя этими Великими Отечественными войнами – 1812 и 1941 годов, то историки обнаружили в них столько совпадений, что невольно поверишь не только в «петлю времени», но и в некую мистическую предопределенность событий. История словно говорит неразумным землянам – не повторяйте старых ошибок. Все это уже когда-то было. Но вот идет ли урок впрок?

Наверняка мало, кто из нынешних молодых знает о весьма символических исторических параллелях – скажем, о том, что Великая Отечественная война 1812 года, когда в Россию вторглись полчища Наполеона, началась тоже 22 июня. Причем разница между июнем 1812 года и июнем 1941 году, когда Гитлер напал на СССР, составляет 129 лет.

Наполеон проиграл войну в 1815 году, Гитлер – в 1945-м с разницей в 129 лет. Что это? Случайность? А может, историческая закономерность, когда, странствуя по лабиринтам судьбы, на одном из витков история повторяется, но уже в новых обстоятельствах?

Есть и такой весьма красноречивый факт – когда советские войска взяли имперскую канцелярию Гитлера, в бункере был найден дневник Геббельса, где тот записал: за неделю до нападения на Советский Союз Гитлер ему сказал, что рассчитывает закончить восточный поход в четыре месяца, «пример с Наполеоном не повторится».

Так что тень великого полководца явно витала в воздухе. Несмотря на предостережения, которые высказывались Гитлеру некоторыми из его соратников, о том, что «русская кампания» для Наполеона закончилась крахом, пророческие слова Энгельса: «Наполеон пришел в Россию и тем самым привел русских в Париж», оказались верны и для другой исторической эпохи: Гитлер пришел в Россию и привел русских в Берлин.

Надо сказать, что Гитлеру явно не пошло на пользу пристрастие к историческим параллелям. Достаточно вспомнить знаменитый план «молниеносной войны» с Советским Союзом, вошедший в историю как «План Барбаросса». Фюрер назвал его так в честь жестокого германского императора Фридриха I Гогенштауфена, жившего аж в XII веке, который

командовал рыцарским войском и пролил немало крови. А свое прозвище – «Барбаросса» он получил в Италии из-за рыжей бороды (от итал. *barba*, «борода», *rossa*, «рыжая»).

Другими словами, «план Барбаросса» также во многом основывался на историческом прошлом. Причем, это название определяло и характер предстоящей войны как жестокий. Именно такой война и задумывалась фашистской верхушкой.

«Речь идет о борьбе на уничтожение. Мы ведем войну не для того, чтобы консервировать своего противника... Эта война будет резко отличаться от войны на Западе. На Востоке сама жестокость – благо для будущего», – считал Гитлер.

Еще в марте 1941 года на большом совещании в своей двухчасовой речи он говорил о делении советской страны между Германией и ее союзниками. Тогда было сказано о том, что необходимо уничтожить 30 миллионов славян(!), а потом численность покоренного населения можно было бы регулировать новыми хозяевами в зависимости от необходимости обслуживания арийской расы. Ничего не скажешь, «веселенькой» была перспектива для народов СССР.

Кстати, на осуществление «плана Барбаросса» немецкое командование отвело всего полтора-два месяца. Гитлер считал, что вермахт победит еще до начала зимы, дескать, «достаточно стукнуть в дверь, и весь этот прогнивший дворец рассыплется». Без объявления войны, в нарушение всех пактов и договоренностей, самым наглым образом вторгнувшись на территорию СССР, его войска продвигались со скоростью почти 100 км в сутки, сметая все на своем пути даже быстрее, чем во время блицкрига в Западной Европе!

Но и эта попытка повторить чужой военный опыт оказалась провальной. Тем не менее история мало чему учит отдельных нынешних политиков, которым не дает покоя победа советского народа в той, казалось бы, уж далекой войне. Они пытаются реанимировать мифы и взять реванш за поражения 75-летней давности.

Не только на дальнем Западе, но и в некоторых бывших «братских республиках» развязана еще одна «война против войны» – война против истории, против памяти. Но рай для одной из наций, замешанный на крови и горе людей других национальностей, как учит История, никогда и никого не сделает счастливыми – ни правых, ни левых. И никакие разглагольствования о свободе и демократии не сделают народ

счастливым, если эта «борьба за мир», как в том анекдоте, камня на камне не оставляет от мирной жизни.

И еще хотелось бы добавить – весной 1945 года в освобожденных городах и селах советских солдат встречали цветами. Причем, эти встречи, если судить по воспоминаниям ветеранов, были искренними, их никто «сверху» не организовывал, это было выражение благодарности армии, освободившей людей от четырехлетнего фашистского ада. Люди искренне радовались приходу солдат, которые несли тишину и покой в каждый дом.

ОГНЕННАЯ СТРАНИЦА ЖИЗНИ

Возвращаясь к Дмитрию Снегину, хотелось бы вспомнить одну из «огненных страниц» его жизни – освобождение от немецких захватчиков знаменитых пушкинских мест – Михайловского. Что, по его словам, явилось очередным «странным сближением».

Но вначале – небольшое отступление.

По прошествии лет мое давнее знакомство с писателем мне представляется тоже своего рода «странным сближением». Эта, казалось бы, на первый взгляд, случайная встреча с Дмитрием Федоровичем произошла почти четверть века назад, когда я получила задание от одной из газет написать статью о судьбе алматинских садов. А кто мог лучше Дмитрия Федоровича, потомственного верненца, садовода по профессии, рассказать об этом? Тем более что когда-то мой дед, Тихон Никитович Моисеев, не раз говорил мне, что мы в родстве с Поцелуевыми (такова настоящая фамилия Дмитрия Снегина), а вот в жизни близко мне не довелось с ним встречаться.

Помню, когда я шла на первую с ним встречу, была некая робость – как-то примет маститый писатель, можно сказать, классик, молодого тогда журналиста? Но Дмитрий Федорович встретил меня, действительно, как родного человека. Стал пенять, что не удосужилась найти в старой части города дом моего прадеда, верненского садовода, одного из творцов знаменитого апорта Никиты Трофимовича Моисеева, (а я-то даже и не знала, что дом этот тогда еще был цел). Кстати сказать, дома Никиты Моисеева и отца Дмитрия Федоровича стояли рядом, друг против друга. А его мать была крестной матерью моего деда, Тихона Никитовича.

Вот уж, поистине, странные сближения!

Помню, как меня буквально обволакивало удивительное обаяние этого человека и теплота, которую, казалось, он излучал. До сих пор звучит в

памяти и его неторопливый, слегка певучий говор. Как бывший радиожурналист, я очень жалела, что газетные строки не могут передать интонации удивительного голоса писателя. Дмитрия Федоровича надо было слушать.

Вот еще одно «странное сближение», неожиданная параллель, о которой он пишет в своей книге.

«Дом знаменитого семиреченского садовника Никиты Трофимовича Моисеева, поставлявшего к императорскому столу удивившие мир яблоки – верненский апорт – напоминал мне дом, в котором жил Пушкин в родовом имении, будучи в изгнании. Я видел его на картинке с мудреным названием «Литография Г. Александрова. 1837».

Поразительное сближение верненской жизни с Пушкиным!

«Вернусь в детство, в апрель 1924 года... Я любил сладости, которых вы не едали и едва ли когда-нибудь увидите издали. Тогда в Алма-Ате проживало много китайцев. Одни чинили фарфоровую и гончарную посуду, мастерили из разноцветной бумаги складные фонарики для свечей.

Другие китайцы торговали с передвижных лотков до чиха наперченными и наукусенными ашлянфузами, лагманами, их можно было есть при помощи двух деревянных палочек; третьи – с тех же, похожих на ручные тачки, лотков за гроши ублажали детвору медом. Мед был необыкновенный, приготовленный из риса и Бог весть каких специй. «И-есть-бела-риса-меда!» – до сих пор поет во мне сладкий призыв. Мы протягивали продавцу ладони с медяками и ответно получали похожие на халву желтые и хрупкие, как льдинки, кусочки меда, завернутые в страницы разорванной на наших глазах старинной книги.

Я никогда не бросал обертку, не прочитав ее от буквы до буквы. Грамотей же!.. Однажды, насладившись дольками, густо обсыпанными маком, я разглядел лист и увидел стихи. Ни начала, ни конца, но сердце почему-то застучало в ритм строкам.

VI

*Недаром вы приснились мне
В бою с обритыми главами,
С окровавленными мечами
Во рвах, на башне, на стене.*

*Блаженны падшие в сраженье :
Теперь они вошли в эдем
И потонули в наслажденье,
Не отравляемом ничем.*

«Недаром вы приснились мне»... я тогда не мог знать – по возрасту, но прежде по своей провинциальной необразованности, – как называется вещь, кто сотворил эти скорбно-ликующие строки, но все в них пленяло алмазно сверкающей и совершенно незнакомой мне жизнью...

Огненная река Великой Отечественной выплеснет меня в апреле 1944 года у Пушкинских гор; потом, после ранения, вернет к родным прилавкам Алатау... прежде, чем я осуществлю свою привычку сличать. И узнаю: те строки, что под римской цифрой «VI» – фрагмент из «Подражаний Корану», написанные Пушкиным в Тригорском, в доме у П. А. Осиповой».

В апреле 1944 года Дмитрий Снегин был начальником артиллерии Панфиловской дивизии. Сложность боевой операции заключалась в том, чтобы взять Пушкинские места без применения артиллерии. И без авиации тоже. Проще говоря, одолеть противника голыми руками, стремительным натиском, чтобы сохранить каждую пядь пушкинской земли.

Вот как он сам об этом писал.

«Стоят погожие дни, но воздух насыщен холодом. Река Великая (и Сороть тож) все еще покрыта прочным льдом. Это нам, десантной группе, на руку: мы готовим бросок на удерживаемый врагом пушкинский заповедник. В блиндаже сыро, сумеречно, самодельные буржуйки вышвырнуты, чтобы не возникал соблазн протопить их – дым мог демаскировать нас, а оккупантов заставил бы насторожиться и загодя изготавиться к контрудару. Наш марш-бросок на тот берег готовится строго секретно. (Честно признаться, секрет по приказу, а на деле – Полишинеля).

Передо мной, на самодельном столе, развернута оперативная карта с изображением заповедного уголка России, о котором в свой срок страстный пушкинист напишет с присущей ему нежностью и глубиной: «Мемориальный пушкинский памятник имеет особую власть над людьми. Он в известной мере сердечное святилище и алтарь»... Ох,

апрель сорок четвертого – сожгут супостаты алтарь... разрушат. Но особая власть его над людьми оттого возрастет!

Третьи сутки я испытываю эту особенную власть с обжигающей душу силой; пристально вглядываюсь в топографические обозначения селений, в плавные изгибы рек с певучими названиями Сороть... Синяя... Ведь. По должности – я начальник штаба артиллерии дивизии, и срочно должен поднять карту, то есть нанести на нее определенные знаки.

Главная идея намеченной операции – внезапный и бесшумный бросок десантной группы по льду на противоположный берег и захват плацдарма. Конечная цель – полное освобождение Святых гор от захватчиков. Никаких залпов «Катюш», никакого артиллерийского сопровождения пехоты огнем и колесами: перед нами священная пушкинская земля, мы не можем, не имеем права на применение разрушительных ударов. Мы обязаны спасти и сохранить сельцо Михайловское с родовой усадьбой, домик няни Поэта, каждую беседку, тропинку, мостик, дерево. Намерения на грани мечты.

Меня особенно волнует судьба сада: в нем вызревали с детства знакомые ему яблоки – антоновка, титовка, белый налив или царская столовка. Такие же росли и в нашем саду. Трепетная таинственная радость согревает меня, радость сближения: и он лакомился, и я лакомился янтарно-белой, с освежающей кислинкой царской столовкой...

О, Господи, мне надо заниматься штабными делами, а я от волнения тону в потоке видений: я – в комнатах, «...всегда пронизанных запахами хорошего дерева и свежей земли»; во мне звенит пророческий голос Поэта из «Подражаний Корану», – Клянусь мечом и правой битвой, – и пророческое предупреждение из Корана: – А если бы сражались с вами те, которые не верили, они обратились бы вспять...

Мы не обратились вспять. Мы форсировали по льду реку Великую и закрепились на пушкинском побережье. На рассвете возникли влажные торжествующие гуды: это Весна справляла свое торжество над стужей, сломав на реке Великой лед, не ведая того, что лишила нас надежной переправы и твердой подмоги.

...Захватчики лютовали, не скупясь на бомбы, снаряды, танки; лютовали и мы – автоматами, штыками: наш снаряд действительно – свидетельствую, действительно! – пушкинской земли не разрывал. Правда и в том, что и мы и они в котле побоища превратились в сатанистов.

Каждая сторона – за свое правое дело.

Гитлер вознамерился лишить нас родной речи, то есть – Пушкина... Абая... Навои... Омара Хайяма... Тукая. Вот тому свидетельство: «Лучше всего было бы обучить их (нас!) языку жестов».

Или: «Один раз в год можно будет проводить по столице (разумеется, Рейха) отряд киргизов, чтобы, глядя на ее каменные памятники, они получили представление о мощи и величии Германии». А если киргизы (читай – казахи, узбеки, туркмены, таджики) попытаются разогнуться?.. «Мы станем их господами, а в случае бунта сбросим на их города несколько бомб, и дело с концом».

Мы в ответ повторяли, как молитву, пламенный призыв Ильи Эренбурга: «Есть одни хорошие немцы – мертвые... убей немца!». И мы убивали... (К месту, не к месту ожила сценка: сидим с моим фронтовым побратимом Баурджаном Момыш-улы за победным столиком в ресторане Союза писателей в Москве. Атакуют журналисты – настырно, с подковыром: чем на войне занимаются нормальные люди? Баурджан взорвался: «Похоже, вы не фронтовой волны журналисты, а из тех, что нынче полезли из всех трусливых щелей... К вашему сведению – на войне нормальные люди изобретательно убивают друг друга... а после победы, кто уцелел, братаются»...

В перманентных порывах убивать и брататься у нас, разумных созданий Голубой планеты, изощренный, в глубь непостижимых времен ускользающий опыт. Так устроен мир: то свет, то тьма... Друг-читатель! Ни лично тебе, ни лично мне, ни любой, как говорится, отдельно взятой личности от этого не легче. Глобальное горе мы воспринимаем рассудком, личное горе – жжет!

То, что вершилось весной сорок четвертого на Синегорье, неразлично мало. Оно – в глазу соринка. Правда, в той соринке – скопище вселенского страдания... И слеза Покаяния, подобно Млечному пути омывающая (врачующая) наши помыслы и поступки. Оттого негасимо горит в храме Человека Свеча пушкинского Слова!.. Или я ошибаюсь?!

Но, не ведая почему, я постоянно испытываю пронзительно-юное влечение – любить. Лепесток моих сближений мятежно трепыхается на упругой веточке неискаженной памяти. Его не сорвал, не утопил в таинственных водах Леты шквалистый ветер, забывший способность исцелять, еще не утративший способность отсчитывать вехи вселенского бытия».

* * *

Последняя моя встреча с Дмитрием Федоровичем произошла незадолго до его смерти. В тот день он был настроен философски, много говорил о душе, о вере, о предназначении человека. Запомнилось, как он с горечью обронил фразу: «Мы породили образованных невежд». И дальше: «Невежда – опасный человек, потому что во имя своих личных целей, во имя карьеры, денег, он перешагнет через мать, через отца, Он все знает, ему неведомы муки совести. Он способен творить только зло во благо себе».

Еще он сказал: «Я боюсь людей, которые все знают». Образованнейший человек, Снегин не переставал учиться всю жизнь, до последнего своего дня. Не боялся признаться в незнании чего-либо, по-детски радовался удачно найденному слову.

Любил картины, умел их ценить. Но при этом не стремился к накопительству, покупал холсты для души. Помню, в одну из наших встреч ему принесли копию рублевской троицы, выполненную алматинским художником. Когда он взял ее в руки, лицо его буквально просветлело. «Ну как? – обратился он ко мне. – Здорово? Посмотри, Еленушка, какие удивительные краски. Я ее повешу здесь, у окна. На такие картины надо молиться».

Особой его любовью была Алма-Ата. О ней он писал бесконечно много. Этот город словно подпитывал его своей необыкновенной энергетикой.

«Алма-Ата наполнена зовущей и чарующей мощью своей плоти. Она напоминает мне женщину бальзаковского возраста, у которой позади все разочарования; она не устает жить и любить, оттого ее обаяние неотразимо. Нет мне желанней отрады, как бродить по прилавкам и с их высоты охватывать грустным взором раскинувшийся в низине город всей моей жизни – в поисках примет, что безнадежно забыты, но без которых меня нет».

Он родился и вырос в Верном, городе, который, по его словам, пронизан верой. И когда я его спросила, что же такое для него вера? Он ответил: «Учти, религия – это одно, а вера – совсем другое. Религией манипулируют свои султаны, свои ханы. Редко великие, больше бесславные. Вера – это другое. Это настолько глубоко и настолько лично, что я не хотел бы этого касаться. Скажу только, вера – один из светочей человеческой жизни, она была и остается щитом на пути зла и насилия».

...Странные сближения. Но не будь их, как обеднела бы наша жизнь!
Спасибо судьбе, что она направляет нас навстречу друг другу. И спасибо
Истории, которая не устает вразумлять своих беспамятливых учеников.